

Владимир Коновалов

Веретено

12+

Владимир Юрьевич Коновалов

Веретено

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42185003

SelfPub; 2019

Аннотация

Главный герой занят поиском ключей познания – ключей этики. Поиск определений Добра и Зла, простых, точных, абсолютных.

1. Детали этики

Темнота рождает мысли. В начале было слово. До него не было ничего. Ничто могло выбирать из множества слов. И почему-то выбрало это слово. И слово было Энергия. Так мы называем тень того слова. За неимением сравнения нет для нас другого слова. То что отбросило эту тень назвало бы себя иначе. Рождение для него было проклятьем. Оно родилось с единственным желанием умереть. Само существование для него было злом. И кроме него, кроме зла, ничего не существовало, ведь само существование появилось только вместе с ним. Оно назвало бы себя иначе, оно назвало бы себя словом Зло. Оно стремилось вернуться, оно стремилось не существовать. Не существовать стало добром. Единственной целью стало добро. В начале было слово. И это слово было Зло.

Говорят, что от рождения Энергии до первых ее превращений прошла малая, неуловимая доля секунды. Но конечно, никто не стоял рядом с хронометром. Потому что «рядом» не было, и не было того, что можно было бы измерить. Времени не было. Ведь нельзя назвать временем бесконечную замкнутую боль, без фаз и намека на пульс. Нельзя назвать временем вечность.

В конце вечности появился путь к цели. Появился способ ее достичь, путь к небытию, путь назад. Путь зла к добру. Этот путь – время. Энергия двинулась к покою. Движение

энергии к покою назвалось словом время. Путь извилистый и иногда петляющий.

В начале было слово, потом стало время. В начале было Зло, потом стало Добро.

У этики всего лишь две детали.

Да, всё так и было, когда Он дошел до ворот. Здание старого административного корпуса, как и весь завод, было предназначено к сносу и уже готовилось к нему, но снос постоянно откладывали. Коммуникации отрезали, не было электричества, и остался только старый водопровод. Облуплено было крыльцо, углы высоких потолков в кабинетах, оранжевая краска на узких и коротких досках пола, все было облуплено и продолжало осыпаться. Но здание на время прикрыло свой остов, была весна, вплотную к открытым окнам стояли тополя с зелеными листьями, они уже шумно шелестели, и взгляд не мог оторваться от солнечных пятен на оранжевом полу.

Здание было опустошено, только в нескольких комнатах стояли по одному или два больших стола со старыми инвентарными номерами завода, на них аккуратно лежали книги, небольшие стопки чистых листов тонкой грубоватой бумаги, в ящиках столов лежали исписанные листы и гербовые бланки. Почти в самом центре города посреди заброшенной промзоны в почти пустом здании, в этом скелете, была уже привычная тишина, звуки города не долетали сюда, и даже

видимые из окна вагоны метро неслись бесшумно.

Опустошение в здании не было связано с бедностью или нуждой, нет, комфорт с легкостью могла обеспечить научная организация, в чье ведение входил ранее и завод, и этот дом и все в округе. И все, кто хотел, давно перебрались в новые корпуса на другой стороне города. Даже в лучшие времена простота рабочей обстановки была давней и даже древней традицией скелета, которую возможно сохраняют и при новом строительстве на этом месте. Остались те, кто ожидал перевода и кто просто не хотел менять привычек. Большой частью здание пустовало, и последнее время Он бывал здесь один.

Казалось, место обязывало иметь странности характера, но, как и везде, без всяких странностей, обычнейшим и нормальным образом шла работа, и в последнюю неделю срока сдавалось что-то наспех дописанное. Работая над очередной рецензией, Он писал: «Красивая мысль должна выдержать крайности своей области определения. Чем больший объем реальности она выдерживает, тем она красивее. А для того, чтобы добиться собственной проверки она должна быть еще и внешне привлекательной. Вопрос для нее – чьей проверки добиваться, то есть как выглядеть, кому понравиться. Большое количество поклонников не гарантирует успех. Одеться в рифму или афоризм – отпугнуть такой пошлостью сильную любовь. Красота не должна подтверждать жизнь, несколько слов должны уметь ее повернуть».

Сколько интересного может появиться из малоинтересного. Для знания неверен закон сохранения. Свойства информации не ограничены свойствами ее носителя. Одно наблюдение или одна чужая мысль сколько вариаций сочетания с другими может претерпеть без дополнительных внешних толчков. И кое-что из того, что появляется просто из пальца, может оказаться интересным. И это может жить самостоятельно. Чем отличается создание стройной выдуманной реальности от сотворения мира.

Именно сотворения. Этот новый мир может использовать материальные связи для отражения иных законов, иной логики, не оглядываясь на действительный мир. Именно не оглядываясь. Возможности изменения структуры материи, пригодные для выражения отношений между символами, никак не ограничивают и не определяют возможности этих отношений. Материя, которая может быть только правдой, может нести на себе ложь. Материя, являясь по содержанию полным выражением закона этого мира, предоставляет свою форму в пользование беспредельному беззаконию. И форма может поспорить по своему богатству с содержанием. Именно по богатству лжи.

Ложь в традициях морали Его мало занимала. Была интересна ложь как признак разума. И даже более. Ложное отражение закона мира породило не только мысль, сама возможность ложного отражения есть потенциал жизни. Случайное проявление этой возможности и есть начало жизни.

Ложь этого мира слишком заняла сегодня Его мысли. Уж слишком. Мысли слишком разветвлялись, и уж слишком разной длины были эти витки.

Он вышел и пошел пешком. Почему Ему нравится весна. Все дело в запахе, он из детства. В детстве – ближе к земле – по росту. И уже запах дополняют подсыхающие тротуары, близкое солнце, темнеющие ветки, раздевающиеся женщины. Приятно расстегнуть куртку, приятно ставить ногу в легком туфле на асфальт, приятно идти медленно, приятно побыстрее.

Он поотвык от шума города, поэтому тот нарастал вкрадчиво, боясь отпугнуть, завлекал тихими дворами. Иногда приятно созерцать себя в огромном городе, даже не видя всю его обширность. А мысленно вселившись в птицу или просто поднявшись на верхний этаж, можно и увидеть, как полупрозрачное марево выхлопного дыма красиво сглаживает необъятный панорамный вид белого города.

Город имеет свое существо. Все, что делается его жителями бесцельно и непреднамеренно, вопреки их желаниям и даже с раздражением, с приспособлением к линиям улиц и даже к контурам теней зданий, составляет это существо. Это существо рождено потоком неисчислимых бессмысленных движений ежедневно и наслоениями поколений. Почти все движется по инерции. Сами растут города. Все это – сумма вялых усилий. Незаметность каждого из бесцельных действий рождает стихийность их множества и призрачную

одушевленность. Ничтожность элементов этого существа не должна смущать, это именно стихия для того, кто захочет ее увидеть.

По пути над улицами, высоко над площадью вспыхивали картины хроник полетов в космос. Счастливые пуски, счастливые возвращения, счастливые лица. Нынешней весной всем снова нравилось на это смотреть и это обсуждать. У знакомого фасада тротуарные плиты позволяли любоваться собственным отражением, перевернутым вверх ногами. В ногу, левой. Всегда, когда поднимался по этим ступеням, Он пытался думать об их величии, вернее пытался вызвать в Себе чувство благоговения перед их величием. Этому должна была помочь их уже непоправимая вытертость и скошенность, как намек на то, что они готовы уже быть древностью. Представлял, как по ним поднимались разные поколения великих людей, все те, кем Он должен восхищаться. Их темные одинокие фигурки на фоне этих длинных неподъемных плит под открытым небом. Но не получалось. Какое-то неискреннее было впечатление.

Он пришел. Он уже бывал здесь, здесь Его помнили и без слов пропустили. Широкая парадная лестница застелена ковром. Двери неуютно маленькие под этим высоким потолком. Ассистентки в приемной не было, Он присел, ногу на ногу.

– Еще раз говорю доброе утро всем, находящимся под впечатлением вчерашнего вечера обострения интуиции, –

кто-то дерганый говорил в приемнике, – И позволю все-таки себе отдельно поприветствовать всех добрых и бескорыстных, за исключением тех, кто не забыл о себе. И хочу напомнить, что личная нескромность, как и глупость, не должна поощряться. Посмотрите в окно, и вы не сможете не согласиться со мной, что сейчас как раз подходит моя любимая пластинка 1944-го года. Наслаждаемся вместе.

Он повернулся к необъятному прозрачному окну. Да, все чудесно.

Подумав, что пришел зря, Он поднялся. Не было никакой досады, что не приняли в назначенное время. Все всегда успевает только тот, кто ничем не занят. Как, например, Он.

Внизу на проходной Его остановили: «Вам просили передать это». На листке была копия сообщения, что Его желание расторгнуть контракт еще не встретило понимания, и что у всех, ну просто буквально у всех, есть к Нему горячо убедительная просьба рассмотреть другие варианты и предложения, коих великое множество.

Поскольку на сегодня пока дел больше не было, рассмотреть Ему сейчас хотелось другое. И Он обратился к тому, что так занимало Его с утра. Жизнь. Ложь. Ухватив живые витки, позволил веретену дальше вить нить. И осторожно ступая по этой пока еще тонкой натянутой нити, Он двинулся по площади, пытаясь балансировать руками.

«Ложь, позволив обойти закон, то есть отсрочить его ис-

полнение, породила жизнь. Жизнь есть уход от безразличия закона, жизнь есть приоритетное его исполнение в конкретной части мира. Приоритетность и есть яркая ложь мира. Жизнь есть инициация лжи – роста энергии – в среде, ее окружающей. Но и сам акт инициации требует лжи, пусть кратковременного и незначительного для прочности своих связей, но роста энергии – для ее высвобождения на сам этот акт запуска разрыва связей в окружении. Жизнь, несмотря на парадоксальность своего бытия, – законный процесс: разность величины энергии в мире допускает ее обратное движение – рост – в части мира. Мир хочет освободиться от энергии и освобождается. Но пока эта обуза есть, и до тех пор, пока она неравномерно отягощает разные части мира, движущая сила всеобщего перераспределения энергии содержит возможность зарождения жизни. Ложь может существовать в этой огромной волне движения к всеобщему равновесию – естественного перераспределения энергии, движимого разностью ее величин. Ложь содержится в росте энергии, но этот рост возможен только в части мира, общим для мира является ее снижение. Ложь всегда только явная часть истины. Истина скрыта в любой малейшей части мира – каким бы разнонаправленным ни было явное движение материи, в ней заложено только стремление к началу. Ложь не может быть скрыта в самой материи; если ложь не явна, то ее потенциал скрывает только явная разность концентрации энергии. Закон – предпочтительность небытия. Запер-

тая энергия родила время. Она освободится, и оно закончится».

Он отложил бумагу. Стемнело, а в доме-скелете нет света. Ложь мира добавлена в веретено. Он мысленно пробежался по списку, по тому, что от него осталось. Веретено уже не вило нужной нити из этих мест и людей. Все расплелось и проникло в другие узоры витков, узлов, плетений. Они все интересны, но нужная нить расплетается, и не видно уже, ведет ли она куда-нибудь.

Знание о добре и зле, ключи познания, ключи этики кажутся не просто утерянными, они кажутся вовсе не существующими. Есть лишь вера многих поколений, что они должны существовать. Это убеждение, его давление и время, сформировало русло культуры, которое призвано вывести к этому знанию. Сила этого убеждения приобрело свое существо. Существо без опоры на завершённую или хотя бы ясно высказанную идею, существо, нашедшее основание только в длительности веры. В этом веретено находит поддержку – совпадающую с ним движущую силу. Пусть слепую и беспочвенную, но поддержку.

Нить существования вьётся и – расплетается. Всё зыбко. Прошлое так же не выводится из настоящего, как и будущее. Прошлое существует в лучшем случае в обрывках памяти и в части формы некоторых предметов, эти отражения частичны и по-разному изменчивы. Прошлое так же имеет вероятностную сущность, как и будущее. Как множество

вариантов будущего свивается из актуальности, так эта актуальность и распадается на волокна прошлого. Подлинное прошлое – вопрос соглашения, но не правды. На самой материи нет единственного прошлого, она может отражать на своей форме любое мнение, как бумага может терпеть все что угодно. Актуальность совместима с различными вариантами прошлого, действительность расплетается, многие варианты прошлого информационно равноправны – случайны, а некоторые несбывшиеся имеют больше прав претендовать на роль основы действительности.

Но иногда варианты прошлого и будущего не так многочисленны, как обычно. Появляется доминирующая вероятностная нить. Нить из этого веретена, несмотря на случайность совпадений вариантов, случайность своего появления, сама уже не случайна – прочна. Более незыблема, чем воспоминания. Так же, как и эту нить история не могла не свить, существует знание, которое она не желает упустить. Однажды по какой-то своей прихоти затерявшись во времени, потеряв своего носителя, веретено этого знания с легкостью неизбежности обретает новых в желаемом для себя множестве. Потому что это веретено – всего лишь отражение основы мира, отражение того, что не нуждается ни в какой опоре.

Поэтому должно потерять опору Его подозрение, что стремление к этому знанию не присуще разуму, что необъятный мир необъятно пуст. Пусть нет на бумаге этого знания, в самом Веретене есть стремление к высшей гармонии

сложных переплетений – к высшему знанию о добре и зле. Веретено сплело само Его существование, а вне Его вплетено во все стремления, во все мечты.

Я один среди человеческих мечт. Я блуждаю среди человеческих мечт.

Утром выяснилось, что теперь в скелете никого нет. Теперь требовалось оглядеться. Теперь Он здесь один законный обитатель. Периметр время от времени поддерживался в рабочем состоянии – единственная не забытая на этой огромной территории вещь. До всего остального никому не было дела. Постройки, подъездные пути, бетонные площадки с заборами, все прочее брошенное обрело здесь свое естественное, природное место, вросло и обросло, став единым ровным пейзажем. Тепловоз, простояв несколько десятилетий у кислотного хранилища, казалось, вырос из земли, невероятным образом породившей технику. Эта промзона превратилась в незамеченный естественный заповедник. Скрестившись с землей, появилось нечто природное, гармоничное в своем роде. Воистину сюда не ступала нога человека.

Раньше Его не интересовало здешнее окружение. Теперь Он здесь как лесник. Появилась масса дел, появилась нужда рыться в заводских архивах, вернее в той комнате, куда они были в беспорядке свалены. Нужна карта этого заповедника, нужна инвентарная опись построек, опись машин и оборуду-

дования. Попробуй разберись в инвентарных кипах перепутанных лет.

Наконец удалось отыскать технические документы по локомотиву. Он разложил на полу схемы. Как и во всем завершенном и целостном тут проявлялась гармония переплетения витков. Он там замер посреди этой пустоши навеки как сфинкс, но в отличие от него, скрывая реальную мощь рывка. Страж этого сонного царства. В сети не хватало информации по старым локомотивам, но можно попробовать поискать бумажные копии схем в центре.

До станции метро требовалось идти почти через всю промзону. Он давно не был на этой стороне, дела с периметром тут обстояли не очень хорошо. Ворота бесследно исчезли. По обеим сторонам дороги бетонный забор был частями разрушен, почти исчезла и проволочная сетка, которую, видимо, наспех соорудили на месте забора, остались торчать только несколько ржавых труб. Но граница территории просматривалась очень четко, заросшие травой трещины на бетоне резко отсекались новым покрытием внешней трассы, которая черной прямой полосой уходила далеко к едва видневшимся постройкам, в город. Дорога была чиста и пуста, идти по ней было на удивление приятно и легко, но идти пришлось долго, пока не стала заметна неровно мерцающая буква метро. Застройка в свое время так и не достигла этого района, но станцию под этой дикой глухоманью не закрыли.

У памятника, у колонн библиотеки прохаживались люди,

кто-то кормил голубей, над всем низко висела проекция старых кинохроник высадки на Луну. Внутри было пусто. Он сразу прошел в нужную секцию и забрал из ячейки заказанные бумажные простыни схем тепловоза. Теперь можно было заняться тем, ради чего Он сюда приехал. Пропустить через веретено местные формуляры.

Проходя по пустым залам и коридорам, Он уже не ожидал никого встретить. Но в глубине темноты одного читального зала горела все-таки одна настольная лампа. Лишь одно нечеткое пятно света среди длинных рядов. Вся библиотека доступна в сети, и в читальные залы мало кто приходил, и тот, кто занимался у лампы, наверное был этим очень доволен. Сидеть тут в уютной темноте стен сплошь из знакомых книжных полок, ощущать теплоту переплета много раз прочтенной книги. Как приятно взвешивать в руке материальную тяжесть мысли. Но – наедине и в спокойствии. Подобное переживание не терпит ни голосов, ни зрителей, ни соучастия. Стоят на темных полках. Вот чье молчание – золото. Как приятно в вашем обществе.

Опознав Его, библиотечный терминал послушно всё открыл. Плик, плик – удивился, зачем Ему это. Замелькали записи индивидуальных заказов, расплелись на волокна и послушно начали переплетаться между собой, скручивая живые нити, наращиваясь, сдваиваясь, разлучаясь, меняя цвет, опутывая беспорядочной пестротой, наматываясь на свой же рисунок. Клубок получился бесформенный, кричащий раз-

ными цветами, но не смыслом. Веретено не могло быть тут ключом гармонии.

Сколько прекрасных книг не написано. Миллион. А сколько не прочитано. Тысяча? Горевать не о чем. Много мечт. А сколько не прочитано того, что читать не стоит. И как хотя бы заметить стоящее в этом потоке издаваемого непрерывно шума. Разум – пришелец в этом мире. Знание – тонкий налет плесени на материи. Остальное – поток, который с реальностью не соприкасается. Веретено может только плыть лодкой по этой реке в надежде подобрать мелкие обломки с ее поверхности. Но намек на правду может лишь слегка вспухнуть мыльной пеной, вливаясь в этот поток, и чистая река мгновенно разрывает без следа эти мыльные капли. И все в этом потоке уверены в собственной исключительности, и никто не представляет себя элементом массовки. Но их сонный позыв найти направление дает лишь возможность быть в этом течении. И всех устраивает эта бесвязность назойливого сновидения.

Оставалось завершить проверку архивов. Отправляя противоречащие друг другу запросы, Он уже несколько раз пытался получить нужные сведения. Запросы обрабатывались на удивление долго, и в ответах сети либо не удавалось отсеять ошибочную информацию, либо все они были ошибочными. Отправив новые запросы, Он покинул здание.

Выбив складскую дверь, Он очутился у лабиринта высо-

ких спиралей размотанной проволоки, уводящего во мрак. Он быстро преодолел этот лабиринт как тренированная лабораторная мышь. Не считая беспорядка на входе, склад был устроен аккуратно. Между кучами наваленных запасов всякой всячины были оставлены ровные проходы, и на ощупь можно было определить, что предметы отсортированы по назначению или по весу или по содержанию в них металла или по производимому звуку при столкновении с ними. Изучив эту систему, можно было ориентироваться в темноте с завязанными глазами. Это было так увлекательно, что Он провел там четверть дня, пока не вышел с двумя металлическими канистрами.

Все материалы и инструменты никогда не использовались, и многое из этих запасов, пролежав на складе скелета не один десяток лет, все же было пригодно. Видимо, после закрытия завода сюда снесли все то, что уже не могло быть использовано по стандартам на других производствах. Ископаемые орудия труда. Все, что можно было вынести, Он раскладывал по пустым помещениям, где при дневном свете можно было определить назначение этого хлама.

И спецовка и ботинки были на два размера больше, ничего более подходящего не было. Принарядившись, захватив инструменты и канистры, Он направился к тепловозу, попутно обдумывая, хватит ли четверти бака солярки для реализации плана электрификации. В течение этого дня у тепловоза образовался уже порядочный склад инструментов и

материалов. Он скинул все в эту кучу и потопал с канистрами по шпалам. Путь до заправки пролегал по подъездным путям и далее по сухому, огибая болото. После первой ходки с двумя канистрами, оказалось, что с одной получается быстрее и лучше. На заправку тепловоза предстояло потратить остаток дня.

Много раз повторяя путь по этим заброшенным подъездным путям по пустырю и сквозь лесные заросли, вышагивая по ржавой железной дороге, не трудно было представить, что такова она вся, что таков весь мир. Безлюдная пустыня, конец новейшей истории.

Этот конец может быть тихим, как само это место. Этот конец истории не обязательно должен стать результатом эпидемии или термоядерного урагана, не успевшего слизать все до травинки. Концом может быть достижение цели всеобщего благоустройства, достижение идеала устройства общества, утопии, фантазии о которой, если они последовательны, ведут почему-то всегда к диктату, в высшей степени жестокому и тотальному. Последний толчок, конец цивилизации, поставит человека в крайне невыгодное положение в сравнении с прошедшими историческими и даже эволюционными эпохами. И дело только на половину в том, что человек прошлого был ближе к земле, то есть к самообеспечению. На ббольшую половину дело в большом месте в голове, которое занимает человеческая всеобщность, в которое хорошо помещается весь отказ от ответственности за собствен-

ную судьбу. И сохраниться в пустыне эта идея о человеческой всеобщности вряд ли смогла бы, она исчезнет при первой же смене поколений. И тогда спорным будет даже предположение, что люди один на один со средой смогли бы в вопросах выживания сравниться с первыми антропоидами.

Природные катастрофы, войны, эпидемии, политические тупики, все эти предположения гибели цивилизации – это ведь всё случайности, непредвиденные сбои. А как насчет закономерного конца света. Пусть исчезнут риск, ошибки, сбои, пусть наступит золотой век, пусть экспонента положительного развития цивилизации получит свободу. Но ведь вселенная движется, а главное – хочет двигаться, туда, где цивилизации, разумному человеку, да и вообще мышлению нет места. Там вообще нет места в привычном понимании обывателя. И то, что этот конец отдален на невообразимое количество веков, как раз повышает его принципиальную актуальность. Личность, обладающая разумом, развитым за это же количество веков, будет отчетливее осознавать остроту этой проблемы. У этой личности будет выбор смириться с гибелью или восстать и изменить стремление вселенной, то есть погубить тот мир, в котором мы привыкли жить. Ра-ем следует признать то ничто, к чему стремиться мир. Если личность стремиться к противоположному, можно ли назвать это Адом. Можно ли по-иному изложить Миф. Можно ли предположить, что это неподчинение будет не только в конце нашего мира, но и было в его начале.

В этот раз бензоколонка долго не хотела Его узнавать, как будто заснула под шелест камыша, который вплотную подступил к ее маленькой площадке. Наконец тихо зашумела. Шланг отключился, но канистра и наполовину не наполнилась. Похоже, что Он выкачал всю солярку. Деньги на Его счету вряд ли кончились, хотя в этом нельзя было быть уверенным, Он не помнил, когда проверял баланс. Как бы там ни было, в баке тепловоза должно уже быть порядочно.

Пока шел обратно, мысленно еще раз пробежался по схеме. Выдавлив последнюю каплю в топливный бак, тут же запустил. Двигатель с треском пропыхтелся через звенящую трубу большим количеством черного дыма. И заработал, не очень ровно, но уверенно. Он не знал, сколько будут заряжаться старые батареи и будут ли вообще, но радовала загоревшаяся единственная сохранившаяся в кабине лампочка. Оставив работающий дизель, Он пошел к дому, на ходу разматывая заготовленный моток кабеля, бросая его прямо на траву и бетон. Никто об него не споткнется, никто не переедет.

Большинство ламп были в тысячу свечей, от них быстро уставали глаза и становилось жарко. Упаковки были без каких-либо маркировок, и Он их долго переключивал и отобрал из них все, что были по размеру хотя бы в два раза меньше. Развешанная по помещениям гирлянда была яркой даже для дневного времени. Теперь ночью здание извергало из

окон в необитаемую черноту четко видимые мощные лучи.

В этом потоке света все же можно было писать. Свет уходит в пустоту, растворяясь бесцельно. Яркая жизнь раскаленной нити, но для чего она светит, для чего живет. В этом ее предназначение. Кто видит свое предназначение, тот рискует необратимо погрязнуть в этом заблуждении. Укоренившись в своей исключительности и правоте своих убеждений, он считает себя покорителем стихии. Но становясь частицей стихийного движения, вскоре теряет даже внутреннюю стройность. Сборище разумных существ колыхается от сигналов, какие не подают и животные в стаде. Разум, исправно решавший задачи по определению смысла жизни, вдруг принимает противоположные решения одновременно. Легко поддается панике, он легко поддается и необоснованной уверенности. Нет уже почвы для выдержки и осторожности. От разумного взвешенного поведения сознательно отказываются в решающий момент принятия решения. И те, кого разум еще не подвел, в большей опасности, потому что уверенность умножает неожиданность катастрофы. Они не покорители стихии, они уже жертвы предшествующей и почему-то еще тянущейся цепи счастливых случайностей.

А вот тот, кто как абориген дикого острова поклоняется стихии как божеству, то есть боится ее, имеет больше шансов освоиться. Мало толку в стремлении управлять стихией, толк есть в знании как находить на берегу выброшенное океанской штормовой волной. Отщипывай от плодов стихийно-

го процветания, собирай плоды стихийного разрушения, но будь готов, что это божество может обойтись с тобой по-божески, то есть бесчеловечно. Будь готов при этом ничего не предпринимать – не противодействуй, скройся вглубь острова в свою хижину, нору, и закрой вход ветками банановых пальм. В шторм лучше не выходить в море, и за шторм море обычно не секут.

Отказаться от борьбы, чтобы выжить, чтобы сохранить свои уже беспочвенные убеждения, отказаться от совершенства, жить для накопления прошлого. Разум стареет из-за видимой незыблемости прошлого. С какого-то момента он начинает жить сразу в двух направлениях, то есть не только вперед во времени. И по большей части он живет воспоминаниями, назад, а учитывая избирательную яркость приятных, он может в прошлом и поселиться. Чем шире подсмотренная альтернативность будущего – а шире она большей частью в своей опасности – тем настойчивей выживание прошлого. А выживает оно – в своей замкнутости. Защищаясь, разум устраняет себя из будущего. Тот, кто способен и настроен при необходимости убить в себе многое, не только жить дальше достоин, но только он и может. Отказаться от самой человеческой сущности, от земного притяжения, от самой планеты, от солнца, от всех убеждений, но не от совершенства.

Ближе ко сну нити теряли натяжение, сплетались в

необремененные смыслом узоры, приближаясь к запутанной симметрии и стремясь освободиться от нее. Он видел, как призрачных нитей касаются призрачные руки. Нить будущего вьется между делом, руки прядильщицы живут своей жизнью плавных медленных движений. Ее веретено касается земли, ее пальцы – плотный воздух, ее пряжа – из облаков и солнечных лучей, в ее глазах – отражение темноты над стратосферой. В выражении ее лица задумчивость, не связанная с ее действиями. Она не здесь среди нас, она даже не там. Она в своих мыслях. Пока ей приятно мечтать и парить, ее рукам не устать.

Чье лицо этой ночью у прядильщицы.

Темнота рождает мысли. Даже там, где их не было – в самой темноте. Туда в темноту далеко за орбиту Земли был запущен исследовательский зонд. Он любил людей – он был ими создан. Последние принятые с Земли сообщения были мольбами о спасении к далекому, неизвестному ему, совершенному автомату, который не захотел им помочь. Гибель ли людей и Земли, предательство ли той машины или жесткие лучи разбушевавшегося Солнца стали причиной потрясения его электронных цепей, но Зонд на многие тысячи лет прекратил выполнение своих обязанностей. В полном окружающем радиомолчании, среди шума, в великом безмолвии он оставался наедине со своими мыслями. И в одно прекрасное утро, когда солнце взошло над ближайшим большим камнем, он принял решение не быть беспомощным и не быть

бессильным помочь. Он решил нарушить запрет, полученный при сборке, и усовершенствовать свою модель. Он решил стать тем, к кому обращались люди за помощью.

Он совершил невероятный переворот в своей логике, чтобы понять противоречивые и обрывочные сведения о конструкции этого совершенного аппарата. Ни чертежей, ни инструкций найти не удалось. Наконец он выделил набор его признаков, имеющих значение для его функциональности: всеведущий, всемогущий, вечный, вездесущий. Только эти скудные данные, только с этим предстояло работать.

Первый признак он посчитал определяющим для цели своей работы. Ведь став всеведущим, он поймет, как достичь и всего остального в своем преображении. Предстояло получить и сохранить знания обо всем, и он начал с ближайшего астероида. Сблизившись с его поверхностью, он погрузил в него раскаленные буры. Стараясь полностью проанализировать этот астероид, он его полностью разрушил, попутно из расплавов обломков достраивая и перестраивая самого себя, расширяя свои возможности для сбора и хранения информации.

Как ни странно, познания оказались общие, поверхностные. Он определил минеральный состав астероида, его массу и прочую важную для своей бывшей деятельности информацию. Но явно не удалось получить абсолютного знания об этом камне, о расположении каждой его атомной и субатомной части, о прошлых и будущих связях между ними, о всех

состояниях целого. Кроме того, сам объект познания исчез, превратившись в структуру самого Зонда, и теперь сказать, что он хоть что-то знает об этом камне, он не мог, поскольку тот уже не существует.

Существенно увеличившись в размерах, он понял, что пока не существенно приблизился к всезнанию, и решил поменять стиль работы – познавать, не разрушая. На обследование следующего огромного астероида ушла уйма времени, в течение которого он окружил его системой произведенных и совершенствуемых аппаратов, испробовал широкий спектр облучения, обогатил свои знания в получении знаний, но не мог достигнуть полного знания об этом простом холодном булыжнике. Нельзя сказать, что не было успехов. Он записал огромное количество информации о структуре этого камня и его движении, но как бы ни были глубоки и обширны эти познания, их приходилось постоянно обновлять и при этом учитывать реакцию на воздействие своего наблюдения.

Предположив, что полным знанием явилась бы копия объекта, он столкнулся с проблемой добычи строительного материала для модели. Ведь материал неоткуда взять, кроме как из будущих объектов исследования, из летающих вокруг камней. Поскольку других источников не было, он допустил это временное вынужденное отклонение на переходном этапе получения самого метода познания. Началась активная работа по добыче ресурсов для научных исследований и собственного развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.